

ОСТРОВ

Источник: Иван Макаров "Черная шаль", М., "Московский рабочий", 1970.

1

Из губернии Федор Михайлович вернулся только к вечеру и едва пробрался к себе на остров.

Он остановился около одинокого дуба, отделившегося от леса и страшного своим ростом и старостью. Вглядываясь в его большое, как пролезть человеку, дупло, он ласково и утвердительно пошлепал по шершавой коре, точно ласкать дуб нужно было, точно дуб, как хорошая добрая лошадь, нуждался в его хозяйской ласке.

Сын не ждал его совсем; утром висел непроглядный, разъедающий остатки снега туман, а в полдень спокойно и величественно, как летом, калило солнце; лощины набухли водой, а дорога взрыхлела и стала немыслимой.

Мокрый по горло и прозябший, Федор Михайлович устало опустился на лавку, сосредоточенно посмотрел на высокого, миловидного, но очень печального сына и сказал:

- Хотя и советская власть, а правда в огне не горит и в реке не потонет.

Он скрутил жгутом полу мокрой поддевки и прямо на пол выжал струю грязной воды. Сын взял веник и принялся растирать лужицу. Он уже догадался, что в губернии отец выиграл тяжбу с поселком, но все же осведомился:

- Значит, наш опять?

- Ставь самовар, - не отвечая, приказал отец.

Парень бросил веник и полез на печь за самоваром.

- Уток не привязал? - спросил отец и пояснил: - Шел, селезней много, шикают.

- Тебя ожидал, - ответил сын.

- А сам не сварил башкой? - забранился Федор Михайлович. Не переодеваясь, он взял крестовину, поправил на ней силки и вышел.

На дворе встревоженным, зовущим криком кричала утка, а в ответ ей с простора сникающей зари нежным и взволнованным шипением отзывался селезень.

"Пораньше бы часом: пяток верный попался бы", - подумал Федор Михайлович и, переловив уток, поспешно направился к реке.

Не обращая внимания на обжигающий холод воды, он забрел по колено, поставил крестовину и опять бережно расправил силки. Потом привязал уток и бегом пустился к ближайшим кустам.

Испуганный и радостный крик утки, тяжелый всплеск воды, а затем мягкое шипение услышал он на полдороге.

"Подсел", - обрадовано подумал Федор Михайлович. Из-за куста он ясно разглядел, как крупный, матерый селезень, судорожно вытянув зеленую шею, быстро поплыл на уток. У крестовины селезень на мгновение настороженно и подозрительно поднял голову, остановился, но не совладал с весенним буйством крови, как-то беззащитно прошипел и рванулся вперед; не достигнув уток, он запутался в силке, взлетел, упал снова и забился в молчаливом смертельном испуге.

Федору Михайловичу он в этот миг показался поразительно похожим на зеленый, бьющийся на ветру платок.

Он снова забрел в воду, выправил селезня и схватил его за шею, чтобы привычным и сильным взмахом руки оторвать голову прочь. Но селезень вытянул шею вдоль спины и покрасневшими от страха глазами немигаючи смотрел в безбрежное пространство мутного неба и свинцовой воды.

- Прощаешься? - любовно спросил Федор Михайлович и снова схватил его за шею. И опять, увернувшись, селезень смотрел на небо, чуть покачивая головой.

- Проворный какой... Врешь, у нас, брат... - Федор Михайлович хотел сказать "крепко", но селезень внезапно рванулся, выскользнул из рук и быстро-быстро исчез вдали.

Федор Михайлович долго смотрел ему вслед, туда, где сливалось в полумраке и уж трудно было разобрать: небо это или вода.